

ПРЕДИСЛОВИЕ

В молодости я хорошо знал барона Мюнхгаузена. В то время ему жилось очень трудно: лицо, костюм, да и весь его облик были весьма неприглядны. По своему уму, происхождению и образованию он мог бы занять видное место в обществе, но в силу вышеозначенных причин редко выходил из дому, не желая краснеть за свой жалкий вид, переносить косые взгляды и снисходительные улыбки. Все близкие знакомые очень любили барона за его неистощимое остроумие, весёлый нрав и прямоту. А какой это был удивительный рассказчик! Теперь таких уже нет! Начнёт он, бывало, вспоминать что-нибудь из своей прошлой, богатой всевозможными приключениями жизни: слова так и льются, картины сменяют картины, — и все затаив дыхание, слушают, боясь проронить хоть слово...

Как уже было сказано, барон редко показывался в обществе. Многие годы я нигде его не

встречал и окончательно потерял из вида, а потому несказанно удивился, когда увидел у себя в кабинете весьма элегантно одетого господина, который представился как барон Мюнхгаузен.

Вполне прилично одетый старик имел весьма моложавый вид, пронизательные глаза лукаво подмигивали, а на лице играла весёлая улыбка.

— Неужели это вы, господин Мюнхгаузен? — воскликнул я. — Тот самый, не внук или правнук...

— Нет-нет, — перебил меня вошедший господин и прибавил: — Это я, ваш старый знакомый. Напрасно вас это удивляет! Должен сказать, что теперь благодаря счастливо сложившимся обстоятельствам дела мои поправились, и я могу снова возобновить светские знакомства. Возможно, вы не откажете дать мне несколько рекомендаций к вашим друзьям и знакомым, чтобы проще было войти в общество.

— Но, барон, я, право, затрудняюсь выполнить вашу просьбу. Мне хорошо известна ваша необузданная фантазия. Едва начнёте рассказывать, вами точно бес овладевает: уноситеесь за облака и говорите о таких вещах, которых не только не было, но и не могло быть. Я же, в отличие от вас, ставлю истину превыше всего — и как человек, и как писатель.

— Что за странное обвинение, — обиделся Мюнхгаузен. — Это я-то необузданный фанта-

зёр, рассказчик небылиц?! Откуда вы это взяли? Действительно, моя жизнь была богата разными историями, которые я люблю рассказывать, но лгать?! Никогда!.. Никто из Мюнхгаузенов никогда не лгал и лгать не будет! Не вынуждайте меня просить, мой добрый друг, а лучше напишите рекомендацию, что-нибудь этакое: «Мой старый друг барон Мюнхгаузен...», ну и так далее.

Он так красноречиво убеждал, что я наконец уступил его просьбам и дал злополучную рекомендацию. Однако считаю своим долгом предупредить моих юных друзей критически отнестись к рассказам барона Мюнхгаузена. Я убеждён, что вы прочтёте их с большим удовольствием: забавные приключения заставят вас смеяться, так же как смеялись тысячи детей до вас и будут смеяться после.

ОХОТНИЧЬИ И ВОЕННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ БАРОНА МЮНХГАУЗЕНА

Я решил отправиться путешествовать по России зимой, потому что от тех, кто когда-либо путешествовал по Польше, Лифляндии¹ или Курляндии², слышал, что дороги в этих странах очень плохи и бывают в сравнительно сносном состоянии зимой благодаря снегу и морозу.

Транспортным средством я выбрал лошадь, поскольку путешествие верхом избавляет от докучных столкновений с хозяевами почтовых карет и от риска нарваться на ямщика, который, вечно томимый жаждой, станет завозить вас в каждый шинок³.

¹ Лифляндия — немецкое название Ливонии в XIII—XVI вв.; официальное название территорий Северной Латвии и Южной Эстонии в XVII — начале XX в.

² Курляндия — официальное название до 1917 г. Курземе, исторической области Латвии к западу от Рижского залива.

³ Шинóк — небольшое питейное заведение, кабачок.

Жаль только, что я слишком легко оделся для этой северной страны: по мере продвижения на северо-восток всё сильнее давал знать о себе холод.

Представляю, каково было несчастному старику, которого я, проезжая через Польшу, встретил на пустынной дороге, на пронизывающем ветру. Едва прикрытый плохой одежкой, бедный старик, полуживой от стужи, сидел на обочине.

От души пожалев беднягу, я, хотя сам продрог до костей, бросил ему плащ и продолжил путь. Дальше ехал без остановок, пока не стемнело.

Передо мною расстилалась бесконечная снежная равнина. Царила глубокая тишина, и нигде не было видно ни малейшего признака жилья. Я не знал, куда держать путь.

Страшно уставший от долгой езды, я решил остановиться на ночлег. Привязав лошадь к остроконечному колу, торчавшему из-под снега, на всякий случай я положил рядом с собой пистолеты, улёгся неподалёку от неё и тотчас заснул крепким сном.

Проснулся я белым днём и, к величайшему своему изумлению, увидел себя на деревенском кладбище! Моей лошади нигде не было видно.

Вдруг где-то высоко в воздухе раздалось ржание. Я взглянул вверх: мой конь, привязанный за повод, висел на верхушке колокольни. Я сразу

понял, в чём дело: накануне снег засыпал деревню и окрестности так густо, что образовалось обширное поле, по которому я вчера ехал. Ночью внезапно наступила оттепель, и снег стаял. Пока спал, я незаметно опускался всё ниже и ниже, пока не достиг твёрдой земли. Таким образом и очутился на кладбище, а то, что принял вчера за кол и к чему привязал лошадь, оказалось шпилем колокольни.

Недолго думая я выстрелил из пистолета по ремённой привязи, и спустя минуту лошадь стояла возле меня. Оседлав её, я поехал дальше.

До русской границы всё шло благополучно, но, к сожалению, в России зимой не принято ездить верхом. Я никогда не нарушал обычаи стран, где побывал, — не изменил своему правилу и на этот раз: приобрёл небольшие сани, запряг свою лошадку и бодро и весело направился прямо в Петербург.

Не могу сказать наверняка, где это было, — скорее всего, в Эстляндии¹. Хорошо помню, что я ехал дремучим лесом. Как-то оглянулся и вижу — за мной бежит громадный матёрый волк, явно голодный. Хорошо понимая, что от его острых зубов не спастись, я бросил вожжи и лёг в сани. И предчувствия меня не обманули: волк перепрыгнул сани и набросился на лошадь,

¹ Эстля́ндия — историческое название северной Эстонии.

которая от страха и боли пустилась бежать что есть мочи.

Всё ещё не веря, что избежал неминуемой гибели, я тихонько приподнял голову и с ужасом увидел, как голодный зверь терзает зубами бедную лошадь. Я огрел его кнутом изо всей силы. Волк с перепугу и от боли рванул вперёд, лошадь упала на землю, он очутился в её упряжи и оглоблях. Я же продолжал нахлёстывать его плёткой, так что мы благополучно добрались до Петербурга.

Не желая утомлять юных читателей, я не коснусь описания государственного устройства, искусств, наук и всевозможных достопримечательностей великолепной столицы Российской империи. Лучше расскажу о лошадях и собаках — моих лучших друзьях, а также о лисицах, волках, медведях и других зверях, которыми, как ни одна страна в мире, богата Россия. Хочется мне поведать ещё о русском веселье, об охоте и о разных подвигах, которые украшают честного дворянина больше, чем самый модный и богатый наряд и изысканные манеры.

Поступить на службу в русскую армию мне удалось не сразу. Пока ждал, было много свободного времени, и я провёл его так, как и подобает благородному дворянину: весело и безопасно. Стоило это немалых денег, но всё же я с удовольствием вспоминаю лучшее в моей жизни время.

Суровым климатом и обычаями страны можно объяснить (но нельзя целиком оправдать) тягу населения к вину. В России есть прямо-таки виртуозы в искусстве питья, но всех в этом отношении превзошёл генерал с седой бородой и медно-красным лицом, который часто обедал с нами.

Старик за столом всегда сидел в фуражке, за что чистосердечно извинялся перед всяким новым лицом. А не снимал он её, чтобы скрыть недостаток на голове, происшедший от потери черепных костей вследствие ран, полученных в турецкую войну. Почтенный воин за обедом выпивал несколько бутылок алкогольных напитков, однако никогда его не видали пьяным.

Это может показаться неправдоподобным: я сам долго недоумевал, — и только случайно понял, в чём дело.

Генерал изредка приподымал фуражку — сначала я не обращал на это внимания — весьма естественно, время от времени нуждаясь в том, чтобы освежить голову. Но вот однажды, в то время как он приподнял фуражку, я заметил, что вместе с ней поднялась и серебряная пластинка, которая заменяла ему недостающую черепную кость. В это образовавшееся отверстие клубом выходили винные пары.

Тут-то я всё понял.

Я тотчас рассказал про своё открытие двум лучшим моим друзьям, и мы решили проверить

мои наблюдения на опыте, благо был вечер, самое удобное для этого эксперимента время.

Я незаметно подошёл к генералу с курительной трубкой в руках и, выждав момент, когда он приподнял фуражку, быстро поднёс к его голове клочок бумаги, который зажёг от трубки. И в тот же миг все увидели чудное явление: винные пары загорелись огненным столбом. Те же пары в волосах старика зажглись голубым огнём и образовали великолепный лучистый венок.

Генерал отнёсся добродушно к моей проделке и впоследствии не раз позволял повторять эти невинные опыты.

Не буду говорить о других шалостях, которыми мы забавлялись, а перейду прямо к рассказам о моих охотничьих приключениях, во всех отношениях более интересным.

Страстный любитель охоты, я отдался ей всей душой. Для меня ничего не было лучше на свете, чем поохотиться в дремучих лесах, которые тянутся в России на сотни вёрст¹.

С величайшим удовольствием я вспоминаю те времена, когда пережил немало опасностей и рискованных приключений, но всё как-то сходило с рук и всё удавалось.

Как-то, проснувшись рано утром и выглянув в окно, я заметил на пруду, раскинувшемся перед домом, великое множество диких уток и, недолго думая, схватил ружьё. Бросившись со всех ног к двери, на свою беду я не заметил притолоки и с разбега так сильно ударился о неё лбом, что из глаз посыпались искры. Потерев лоб, я побежал к пруду, но в ту минуту, когда прицелился, заметил, что нет кремня: он соскочил от сильного толчка.

Каждая минута была дорога: я не знал, как быть, — но, к счастью, вспомнил о своей ушибленной голове и, хорошенько прицелившись, со всей силы ударил себя по лбу. От удара из глаз посыпался сноп искр. Порох воспламенился, и грянул выстрел. Я убил одним выстрелом

¹ Вёрста — единица измерения расстояния, равная 1066,8 метра.

пять пар уток, четырёх хохлаток и двух лысух. Да, много значит не растеряться в решительную минуту. Находчивость — великое дело! Как известно, только благодаря ей удача сопутствует воинам, мореходам и охотникам.

Вот какой ещё был со мной случай. Как-то мне довелось охотиться на уток на большом озере. Птицы плавали не скученно, а на значительном расстоянии друг от друга. Посмотрел я и подумал:

выстрелом никак не положить больше одной, а у меня в патронташе¹, как на грех, остался всего один патрон. Что делать? А я, как нарочно, пригласил к себе большое общество! Было бы недурно угостить друзей жареными утками.

К счастью, вспомнив, что от завтрака в ягдташе² остался кусочек свиного сала, я вытащил из кармана собачий поводок, рассучил, чтобы сделать длиннее, и привязал к нему сало.

Спрятавшись за камыш, я бросил в воду конец поводка с наживкой и почти в тот же миг, к величайшей моей радости, увидел, что одна из уток быстро подплыла, жадно схватила сало и проглотила. За какие-нибудь две-три минуты сало прошло по всем внутренностям утки и снова очутилось в воде. Его проглотила другая, за ней — третья и так далее до самой последней.

Когда утки нанизались на верёвку, как бусы, я осторожно притянул всю стаю к берегу, обмотался поводком с утками шесть раз и пошёл домой.

Груз оказался довольно тяжёлым. С трудом одолев полдороги, я почувствовал, что не донесу домой свою добычу, и стал было раскаиваться в жадности, но тут случилось неожиданное обстоятельство, повергшее меня в величайшее изумление. Все утки оказались живыми, и, едва освои-

¹ Патронта́ш — сумка или пояс с гнездами для патронов.

² Ягдта́ш — охотничья сумка для дичи.

лись со своим новым положением, разом взмахнули крыльями и подняли меня высоко в воздух. Всякий на моём месте растерялся бы, но только не я: распустив по ветру полы камзола, я стал ими, как рулём, направлять полёт уток к дому.

Теперь надо было обдумать, как бы безопаснее спуститься на землю. И я принялся сворачивать уткам голову, что позволило постепенно и медленно приземлиться. Почувствовав под ногами дымовую трубу, я спустился по ней в кухонный очаг, на моё счастье, ещё не топившийся. Моё внезапное появление очень испугало повара и всех домочадцев, но когда они увидели, что я жив-здоров и принёс немало добычи, испуг сменился радостью.

Другой в этом же роде случай вышел у меня с куропатками.

Как-то пошёл я в поле опробовать новое ружьё, и один за другим расстрелял все заряды. Оставалось только вернуться домой, но как раз в этот момент из-под самых ног взлетела стая жирных куропаток.

Сильное желание подстрелить птицу на ужин подсказало мне счастливую мысль прибегнуть к одному средству, успех которого превзошёл все мои ожидания. Заметив то место, куда опустились куропатки, я зарядил ружьё шомполом, конец которого наскоро заострил. После этого, дождавшись момента, когда птицы поднимутся,